

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN: 2413-726X
Vol. 11, Is. 1, pp. 96–100, 2016

DOI: 10.13187/ra.2016.11.96
www.ejournal16.com

UDC 929:791.43.05

Personal Chronicle of the Time of Troubles: Memories of the Documentary Director

Lyudmila P. Korshik

Ltd. Newsreel, Russian Federation
12, Street Named after Anton Valek, Yekaterinburg, 620014
E-mail: kinokor@yandex.ru

Abstract

The paper presents the memoirs of the documentary director about her work in the Sverdlovsk Film Studio in the turbulent times of Perestroika, the collapse of the USSR, and destruction of the Soviet cinema traditions. The story of the filmmakers' desire to reflect the truth about the changes in the social and political life of the country and the causes of social and national conflicts in their creative work is shown.

Keywords: Sverdlovsk Film Studio, Soviet Ural Mountains newsreel, Creative Production Association Nadezhda.

Рис. 1. Л.П. Коршик за монтажным столом. Фото А. Лаптева (здесь и далее – фотографии и кинокадры из личного архива Л.П. Коршик)

Я начала работать на Свердловской киностудии летом 1989 г. В то время это был большой творческо-производственный организм – единственная в России студия, выпускавшая художественные, документальные, научно-популярные, учебные, анимационные фильмы, киножурналы и так называемые «заказные» фильмы для предприятий и различных ведомств. Такие многопрофильные студии (часто с гораздо меньшим объемом производства) были только в столицах союзных республик.

Мне очень хотелось бы здесь назвать имена тех, кто своим творчеством обеспечивал, как сейчас говорят, высокий рейтинг Свердловской студии на кинофестивалях, в зрительской и профессиональной аудитории и с кем мне посчастливилось тогда работать, но сейчас речь о другом – о кинохронике.

Творческое объединение «Надежда» (им руководил Валерий Савчук) выпускало 8–10 документальных фильмов и еженедельный киножурнал «Советский Урал», редактором которого я и была принята. Наши корпункты действовали в семи регионах (в Пермской, Тюменской, Челябинской, Свердловской областях, Ямало-Ненецком национальном округе, Башкирии и Удмуртии), их операторы регулярно присылали свои материалы для журнала. Как редактор, я постоянно держала с операторами связь, определяя, что может, а что не может быть предметом съемки. Я должна была помогать собкорам-операторам отбирать в происходящем главное. А главным было (как стало ясно чуть позже) не улучшение того, что было, а полный демонтаж и слом всего...

Событий (причем событий, круто менявших жизнь страны) в то время было предостаточно. Это был период, когда накопившееся раздражение от несоответствия того, что говорилось «сверху», тому, что делалось и сверху, и снизу, выплеснулось в так называемые «дискуссионные трибуны» (в Екатеринбурге ее вел Г. Бурбулис), в митинги и собрания, гневно клеймившие «партократию», призывавшие сбросить прогнившее ярмо разложившейся власти, обновить жизнь и открыть дверь свободе. Ситуация усугублялась резким снижением уровня жизни: на предприятиях задерживалась зарплата, полки магазинов сверкали пустотой, многие нищенствовали, на улицах началась торговля продуктами и товарами. Все это мы, хроникеры, снимали. Снимали, как демонтировались лозунги, звавшие «Вперед к...», как люди растерянно стояли у проходных закрытых заводов, как милиция расшвыривала очереди... Все это становилось сюжетом киножурнала, в то время уже не закованного в рамки определенных форм.

Конечно, предметом спецвыпуска журнала стала ситуация с Ельциным, когда его вывели из состава ЦК и предоставили самому себе... и тем, кто его тогда обожал. Конечно же, был спецвыпуск о приезде в Свердловск Горбачева – смонтированный Татьяной Васильевой в ироничном ключе киножурнал, вышедший еще до того, как в обществе сформировалось негативное отношение к генсеку (операторы Анатолий Трегубов и Владимир Монастырский). Были сюжеты из Тюмени (собкор Анатолий Круговых) о конференции патриотической оппозиции, пытавшейся затормозить разрушительные процессы. Виктор Литвишко присылал киноматериалы из Кургана о катастрофической ситуации в сельском хозяйстве. Пермский собкор Валерий Горшков снимал все, что происходило в Пермском крае...

Мне, да и моим коллегам, работавшим над киножурналом, было ясно, что кинохроника – это документ эпохи, востребованный не только сейчас, он будет востребован и в будущем и достоверно (достовернее, чем многие воспоминания, окрашенные личным отношением) расскажет о том, что происходило в это время на самом деле. Это не значит, что оператор или режиссер, создавая журнал, избегали выражать свое личное отношение к происходящему и могли «объективно» рассказать о том, что видели. Споры по этому поводу на одном из собраний в Московском доме кино меня удивили: быть может, потому что я пришла на студию в «перестроечное» время и не видела, как редакторские ножницы кромсали личное отношение авторов, но была убеждена, что главное в хронике – правда. Мы снимаем и показываем именно то, что действительно происходит, а то, как это подается, – дело режиссера. Оппоненты говорили, что тогда это уже не киножурнал, а фильм... Пусть это называется, как угодно. Главное, чтобы это было правдой (пусть и окрашенной личным отношением авторов).

В 1992 г. резко сократилось финансирование кинопроизводства, и в редакции документального кино возникла мысль закрыть киножурнал и за счет освободившихся «единиц» снимать больше документальных фильмов. Закрыть киножурналы?! То, что отражает время?! Борьба закончилась тем, что студия документального кино «Надежда» распалась, возникло объединение «Кинохроника», за которым и остались журналы.

Затем была подана заявка в Госкино на документальный фильм о распаде страны. Заявка прошла, и уже осенью 1992 г. мы приступили к съемкам большой полнометражной картины. Надо сказать, что тогда не то, что сейчас (один кофр с камерой и всем прочим, и можно работать), тогда оборудование занимало в вагоне целое купе. Кроме оператора и звукооператора, ассистент, механик синхронной камеры, администратор, ну и режиссер – 5 человек!

А страна в 1992 г. бурлила! Останавливались предприятия, рушились научные институты. Отделялись союзные республики, оттуда в Россию хлынули русские люди, изгнанные местными националистами и теперь оказавшиеся без кола, без двора, без имущества, без работы и перспектив. А в России, на исторической родине, они оказались никому не нужными. Миграционная служба забросила на окраины провинциальных городков несколько сотен вагончиков – помощь страны своим согражданам этим и ограничилась...

Окраина деревни в Липецкой области. Здесь живут две сотни семей, бежавших из Казахстана. Да, и из Казахстана люди спасались бегством! Учителя, врачи, ученые... Живут в вагончиках. Александр Афанасьевич Капица, ученый-физик, кандидат наук из Алма-Аты, живет в комнатке сельского Дома быта. Хорошо еще, что в школе была вакансия учителя-физика... Русские беженцы!

Рис. 2. Жизнь в вагончиках беженцев из Казахстана в Липецкой области. Съемка 1992 г.

Рис. 3. Беженцы из Казахстана в Калужской области. Съемка 1995 г. Кадры В. Сачкова

Осенью 1992 г. поползли слухи, что тогдашний министр иностранных дел А. Козырев готовит документы о передаче Курильских островов Японии. На Курилы мы и вылетели в первую очередь. И, действительно, жители островов (многие, многие!) яростно боролись с такой «перспективой». Да, были те, кто сразу же начал «ловить рыбку в мутной воде», но общий настрой был иным... Правда, становилось понятно, что на островах не будет уже так стабильно, как раньше, и все, кто мог, кому было куда, начали уезжать на материк. Сказочная красота этих мест, когда мы взлетели и сделали широкий круг над берегом и океаном, казалась застывшей и нереальной.

Следующий выезд – в Абхазию, в Приднестровье, на юг, где тогда уже пылали конфликты. Долгие годы мы жили в мирной стране, не верилось, что где-то могут грохотать взрывы и рваться снаряды. Да, кое-что (но очень скупо) показывало телевидение, но чтобы такое было на благословенном юге, в Абхазии?! Так думали мы, когда ехали по территории этой республики берегом моря, и мандариновые деревья приветливо покачивали оранжевыми плодами. Правда, когда мы уселись в машину, водитель передернул затвор автомата и положил его себе на колени. Мы подумали, что это избыточная предосторожность... Как мы были наивны!

После полудня мы добрались до границы. Здесь была российская военная база, а ниже, в Сухуми, стояли грузинские войска. И только за нами закрылись ворота части, из Сухуми с воем и грохотом, разрывающим перепонки, рванули снаряды. Сюда, на базу, и в село под горой, и вдали на дорогу... Дома в селе разлетались, как кубики! «Град!» – крикнул водитель. Он помог нам спуститься в убежище, там стояли, прижавшись друг к другу, женщины: армянки, грузинки, абхазки, русские. Они жили здесь, их дома были разрушены. «Даже немцы, – сказала одна из них, – мирных людей так не уничтожали! Я в ту войну здесь была, но такого не видела! Так он (Шеварднадзе) и говорит: “Уничтожу все! Все!”»

Я не помню, когда закончился обстрел, как мы выехали из части. Помню лишь, как остановились у аллеи, ведущей на передовую, и водитель сказал, что если мы хотим на саму

передовую, нам нужно бежать, виляя между деревьями. Оператор обреченно посмотрел на меня, и я сказала, что на передовую мы, пожалуй, не побежим. С деревьев то и дело падали ветки, срезанные пулями. Но нам после воя и грохота артобстрела это было уже ничуть не страшно. И потом, когда нас поселили в пионерском лагере, набитом людьми в камуфляжной форме, тоже не было страшно. И позже, когда мы шли через парк, а сверху опять падали ветки, страшно не было. Дупераздирающий звук «Града» затмил все.

В Гаграх нас поселили в пустом санатории, в котором раньше отдыхали члены политбюро. Неделей раньше здесь жили грузинские боевики: все коридоры и дорожки были усыпаны гильзами. Мы сняли разрушенные улицы и дома, скелет убитой коровы, женщин, растерянно стоящих возле руин... Вечером на этаже дежурила врач. Сидела у настольной лампы, что-то писала. Посмотрела на нас, как на сумасшедших... Как мы выехали из Абхазии, я не помню.

Я помню уже Ростов-на-Дону. Разговор с казаками, вернувшимися из Приднестровья. Их страшный рассказ о том, во что превращается человек, одурманенный ложной идеей. О том, что делал этот человек-зомби с людьми там, в Приднестровье... Все это казалось невероятным: как у нас оказалось столько людей, готовых ненавидеть и убивать? Когда успели провести работу по расчеловечиванию? И кто это делал?

Были мы и в Приднестровье, еще разрушенном, но уже свободном. Лица детей, окруживших учительницу, которая рассказывала, что было здесь полмесяца назад, когда стреляли снайперы и рвались снаряды... Это забыть невозможно: здание школы, испещренное осколками, разрушенный снарядом памятник Пушкину. Удалось снять террориста, рассказавшего, как он готовил изощренные убийства, и ополченца, сражавшегося с убийцами, и кладбище с сотнями свежих могил, и идущего мимо них человека с косой...

Проникновенный рассказ владыки Санкт-Петербургского и Ладожского отца Иоанна о трагических страницах истории, о раскулачивании, о героизме народа в Отечественной войне, о том, что все происходящее – это борьба Тьмы и Света и что каждый из нас должен выбрать, на чьей он стороне. От этого, только от этого будет зависеть будущее.

Хроникальные кадры приезда в Екатеринбург Горбачева и Ельцина много сказали нам и о том, и о другом...

То, что происходило с нами, страшно... будто годы войны. Во время войны люди отдавали жизнь за Родину – отдавали искренне! Я уверена, что и сегодня бы отдали. Но сейчас никто не знает, что происходит, куда идти... Вот это, пожалуй, самое главное: понять, что происходит! Понять, куда идти! Того, что произошло в перестроечные времена на самом деле (и что мы старались сохранить как свидетельство эпохи), народ никак не ожидал. В долгие годы борьбы, побед и поражений, при всех «колебаниях» и «отклонениях», при всяческом «расшатывании» устоев и перерождении (а то и вырождении) в брежневские годы многих представителей номенклатуры, все же сохранялась иллюзорная надежда построить справедливое в своей основе общество.

И вдруг – все кувырком. Где она – направляющая и указующая верный путь рука? Все, к чему мы стремились, объявлено блефом. Собственность, создававшаяся горбом и трудами миллионов людей, стала добычей двух десятков приближенных к «трону». Прибыль аллюром понеслась за границу и осела там в банках. А здесь – нефтегазовая труба, принадлежащая Бог весть кому. Грошовые бюджетные зарплаты. Все!

Как бы то ни было, фильм был снят. Сдан. И даже показан на канале ТВ «Центр» (в день убийства Листьева – так совпало). Где он теперь, наш фильм, востребован ли сегодня?.. А о беженцах из Казахстана, поселившихся в селе Ломовом под Липецком, через четыре года мы сняли еще один фильм. Ехали туда в надежде, что жизнь наших переселенцев изменилась к лучшему, а увидели, что может сделать «невидимая рука рынка» со слаженным, объединенным общим горем и общими проблемами коллективом. Впрочем, это (как говорит один из телеведущих) уже совсем другая история.

А история с киножурналом такова: в начале 2000-х гг. журнал закрыли совсем – под предлогом, что достаточно хроники снимают телеканалы (то, что они частные и вправе не давать свой материал никому, никого не волнует). Кинохроники, той летописи страны, какой она была десятки лет, уже нет. А ведь Свердловскую киностудию открыли во время

войны, сразу развернули выпуск кинохроники. Подумать только: на экране – жизнь всего Уральского региона и двух республик! 48 киножурналов в год! Во время тяжелейшей войны!

Сейчас в главном корпусе киностудии – торговый центр. И период этот – период уничтожения государства и переход всех богатств в руки частных лиц – в кинохронике не отражен никак. Что касается телепленки, возможности ее долгосрочного хранения не изучены, и у многих остаются сомнения, что наши потомки смогут увидеть материал, рассказывающий о том, что произошло со страной на самом деле...

УДК 929:791.43.05

**Личная хроника смутного времени:
воспоминания режиссера неигрового кино**

Людмила Петровна Коршик

ООО «Кинохроника», Российская Федерация
620014, Екатеринбург, улица А. Валека, 12
E-mail: kinokor@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой воспоминания редактора и сценариста документального кино о работе на Свердловской киностудии в бурные времена перестройки, крушения СССР и ломки традиций советского кинематографа. Приводится рассказ о стремлении кинематографистов отразить в своем творчестве правду о переменах в общественно-политической жизни страны и причинах социальных и национальных конфликтов.

Ключевые слова: киножурнал «Советский Урал», Свердловская киностудия, ТПО «Надежда» Свердловской киностудии.